

ОБ АСПАСИИ ПАПАТАНАССИУ

К ГАСТРОЛЯМ В СПЕКТАКЛЕ «МЕДЕЯ»
НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ИМЕНИ К. МАРДЖАНИШВИЛИ

На сцене свершалось чудо. Его творила актриса. И чудо становилось доступным, осязаемым. Оно существовало наяву. А когда представление окончилось, публика расходилась не спеша. Казалось, так бы и сидели на своих местах, зачарованные, потрясенные, восторженные, и долго еще думали бы о чем-то сокровенном и великом одновременно, о смысле жизни, о превратностях судьбы и о многом другом, что не подвластно конкретизации и связано с непостижимостью человеческой сущности. Не это ли неуловимо очистительное смятение, рожаемое театром, называл катарсисом Аристотель — великий предок и соотечественник Аспасии Папатанассиу? Не в нем ли видел он критерий истинного творчества художника и считал, что театр, если он есть ТЕАТР, не может существовать вне этого понятия?

Театр есть театр, и все в нем должно быть как в театре. Он должен будоражить мысль, вздымать чув-

ства, он должен уметь потрясать. Кто может поспорить или не согласиться с этой прописной истиной? Кому придет в голову утверждать обратное, если даже помнить о том, что потрясение очевидно и может наступить только тогда, когда повод для него исключителен и некаждодневен?!

Аспасия Папатанассиу — явление, конечно, исключительное, почти непостижимое по своей уникальности. Ей подвластно самое невероятное в природе человека, она познала человеческую первозданность и поэтому владеет миром сложных страстей с ошеломляющей и покоряющей свободой. В ней соединилось, казалось бы, несоединимое — женское обаяние с неженской силой характера, беззащитность и трогательность с потенцией разъяренной львицы, шепелявая тоска и бездна отчаяния с безумством торжества свершившегося возмездия.

Трагическая актриса, Папатанассиу, понимает театр масштабно, крупно, эпически. Путь ее — путь страстных, титанических порывов. Сфера ее деяний — могучие, клочущие человеческие страсти. Ее искусство непричастно к житейским подробностям, к деталям, мельчащим целое, к «бормочущей» правденке, ничего общего не имеющей с подлинным театром и его природой. Она как бы воплощает в себе великодушный идеал героического, монументального, эпического театра, человеческого, эмоционального и поэтического в своей сути. В искусстве актрисы живет могучая поступь ее родного народа, суровое и благородное величие страны, которую человечество зовет Элладой. В

этом синтезе самых тончайших граней, в обобщении многих сущностей верховодит полная «растворимость» чувств актрисы, ее предельная самоотдача и огромный заряд ее мастерства. Мастерства упрямого, точного, отточенного, поданного на самой невероятной ноте, взять которую дано далеко не каждому.

И вот оно — чудо. Оно началось из-за кулис. Духераздирающий крик Медеи-Папатанассиу донесся до уха зрителя издалека. Что-то похожее на оцепенение вошло в зрительный зал и уже не исчезало из него до самого конца. А маленькая хрупкая женщина вышла неторопливой походкой и так же неторопливо начала произносить слова о самой жестокой несправедливости, свершившейся в мире. Она говорила, и слова ее обжигали своей взрывчатой силой. Она стонала и плакала, и страдания ее заставляли содрогаться зрительный зал. Она неистовствовала и казалось, что порыв буйного вихря ворвался на сцену и сметает все на своем пути. А когда в финале опустошенная, закутанная в свою длинную тунику, появлялась она как каменное изваяние, молчание ее было страшнее всяких слов. Оно кричало громче всех криков.

...Зритель расходился не спеша. Каждый думал о своем. Но каждому было ясно, что только что он был свидетелем чего-то большого, значительного, великого, такого, которое соприкасается с вечностью, воспринимается как редкостный дар природы, такой же редкостный, как танец Улановой, как исполнение Рихтера, как живопись Гудиашвили, как стихи Пастернака...

Этери ГУГУШВИЛИ.